

СО АН: ЛЮДИ И ГОДЫ

«Не говори с тоской: их нет,

15 января 2013 года не стало Елены Константиновны Ромодановской. Она была не только одним из светил отечественной славистики, но и человеком разносторонних интересов и талантов, замечательной рассказчицей и собеседницей, заботливой наставницей своим ученикам.

Из официальной справки:

Выдающийся учёный, член-корреспондент РАН (1991), доктор филологических наук (1988), профессор (1992), зав. сектором литературоведения ИФЛ СО РАН (1992), директор Института филологии СО РАН (1998). Е.К. Ромодановская родилась 6 марта 1937 года в Ленинграде. Окончила Ленинградский государственный университет (1959) и аспирантуру Пушкинского Дома (1964–1967), её учителями были учёные-литературоведы, известные своими трудами по истории древнерусской литературы в стране и за рубежом — И.П. Еремин, Л.А. Дмитриев. Опыт текстолога, литературоведа, флиграноведа и археографа она получила в Секторе (Отделе) древнерусской литературы Пушкинского дома, которым руководили сначала В.П. Адрианова-Перетц, затем Д.С. Лихачёв. Профессиональное мастерство, полученное в ленинградской/петербургской филологической школе, она активно использовала для становления и развития филологической науки в Новосибирском научном центре.

Здесь работа Е.К. Ромодановской началась в секторе истории феодального периода, куда входила Археологическая группа, возглавляемая Н.Н. Покровским. Ранняя «сибирика», т.е. литература начального периода освоения Сибири была в то время большей частью «белым пятном». Елена Константиновна, как и её коллеги в секторе, углубилась в местную проблематику, не забывая, однако, о её неразрывной связи с общерусским историко-литературным процессом.

Н.Н. Покровский: В 1960-х гг. мы следовали принципу: не замыкаться только на региональной тематике, обязательно исследовать общерусские процессы и их влияние на Урал и Сибирь, а также уметь ставить на сибирских темах проблемы литературы, культуры, общественного сознания всей нашей страны. Соответственно, с самого начала Елена Константиновна целенаправленно и успешно делала сферу своих интересов: с одной стороны на сибирское летописание, литературное творчество тобольских архиереев, сибирские повести и сказания о местных святынях, иконах, городах, а с другой — на такие явления общерусской литературы как возникновение беллетристики, театральной драматургии, повестей о «гордых царях», издревле привлекавших внимание анонимных авторов памятников мировой и отечественной литературы.

Когда человек уходит, те, для кого он был значим, говорят о нём. Елену Константиновну вспоминают многие... Планируется мемориальный сборник статей, посвящённый ей. В нём будут и воспоминания коллег и учеников.

Дела Е.К. Ромодановской говорят сами за себя. Такие масштабные труды как «Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы» или монография «Римские деяния» на Руси... — явления, которые не могут остаться незамеченными в науке. Но в воспоминаниях, которые мне довелось прочитать, постоянно звучит мотив неразрывности человеческой и научной деятельности Елены Константиновны. Видимо, роль личности в истории всё-таки велика.

Начало пути

Н.С. Демкова: Я, может быть, лучше других помню начало пути Елены Константиновны в науку: мы учились вместе, на одной и той же кафедре филологического факультета ЛГУ — и даже почти в одно и то же время, с интервалом в пять лет. Крошечная аудитория на втором этаже родного факультета, где осенью 1955 г. профессор М.О. Скрипилль читал нам, весьма немногочисленной аудитории энтузиастов, долгожданные лекции о русских житиях. Аудитория только-только вмещала пятерых, самого Михаила Осиповича и его четырёх слушателей: Лену Ромодановскую, Сашу Панченко, Телю Зыкова и меня, Наташу Сарафанову, тогда уже аспирантку кафедры русской литературы. Других спецкурсов или семинаров «по древности» в те времена не было, и консультации с нашим общим научным руководителем, профессором И.П. Ерёминым, перед авторитетом которого мы обе благоговели, были индивидуальными.

Занимаясь древней литературой практически в одиночку, мы с завистью слушали рассказы профессора Г.А. Бялого о знаменитом Семинарии академика В.Н. Перетца (в Киевском, а затем в Санкт-Петербургском университете), где работа шла в большом коллективе увлечённых единомышленников — профессоров и студентов. Сам Г.А. Бялый, его друг И.П. Ерёмин, М.О. Скрипилль, а также посещавшие семинар В.А. Каверин, Ю.Н. Тынянов были учениками В.Н. Перетца — как и почти все знаменитые исследователи древности XX века (Н.К. Гудзий, М.П. Алексеев, В.П. Адрианова-Перетц, А.А. Назаревский и многие другие).

Наше вынужденное «учебное одиночество», конечно, огорчало, но оно же вело к углублению в древние тексты, к осознанию того, что только ты, открыв рукопись, можешь услышать голос древней книги и дать возможность ему зазвучать. Мне кажется, что эти обстоятельства отчасти способствовали усилению чувства личной ответственности и долга по отношению к текстам литературных памятников, что так хорошо ощущается во всех работах Елены Константиновны.

Н.Н. Покровский: Я познакомился с Еленой Константиновной в 1965 г., в год моего перехода в СО АН СССР. Она к тому времени уже закончила филфак ЛГУ, заканчивала ленинградскую аспирантуру. Летом 1965 г. она вместе с Е.И. Дергачёвой-Скопи и В.Н. Алексеевым положила почин археографическим экспедициям из новосибирского Академгородка. Первая эта поездка оказалась весьма успешной: среди нескольких десятков привезённых книг была и рукопись XVI в. необычной редакции «Просветителя» известного полемиста Иосифа Волоцкого. А на следующий год начались и мои с З.В. Бородиной экспедиции, постепенно расширялось то дело, которое позднее академики А.М. Панченко и Д.С. Лихачёв назовут «археологическим открытием Сибири». Новосибирская группа археографов смогла использовать традиции и школу главных центров подготовки древников: учителями Елены Константиновны были филолог И.П. Ерёмин, Л.А. Дмитриев, В.Н. Малышев, моими — историки М.Н. Тихомиров, Н.Л. Рубинштейн, археограф М.В. Щепкина.

Этим сразу же определился первый принцип нашей работы в Академгородке: изучение древней книжности совместными усилиями историков и филологов, недаром это когда-то была единая наука. В созданном нами секторе с самого начала и до сего дня работают учёные обеих этих дисциплин, и, уже будучи на посту директора Института филологии СО РАН Е.К. Ромодановская продолжала быть членом сектора археографии и источниковедения Института истории.

Учитель

В Новосибирске Елена Константиновна занималась не только исследованиями, но и преподавательской деятельностью. Знакомство с Е.К. Ромодановской у нас, её учеников из НГУ, происходило обычно на лекциях. Ей удалось добиться того, чтобы переходный период в развитии русской литературы, XVII век, был выделен в небольшой отдельный курс, и читала его блистательно. Помню, что я, ещё не зная её лично, боялась её фамилии и пыталась узнать, настолько ли она грозна, как её предок, «страшный» князь-кесарь Фёдор Юрьевич.

О.Д. Журавель: Она была прекрасным лектором: за чёткостью, логикой, строгим академизмом, унаследованным от блестящих

представителей российских научных школ, виделось увлечение и любовь к миру книжности, к настоящей науке.

М.Н. Климова: Читала Елена Константиновна «без бумажки», но от основной темы не отклонялась, эмоционально, но вдумчиво, отчего казалось, что текст лекции рождается прямо на наших глазах. В её обращении к нам не было ни высокомерия, ни снисходительности а только доброжелательность и стремление поделиться тем, что интересно ей самой.

У Елены Константиновны был свой спецсеминар, собиравшийся с завидной регулярностью.

Т.Ф. Чалкова: Этот семинар благодаря стараниям нашего руководителя выходил далеко за рамки обычной учебной программы и стал для нас окном в большую науку. Например, я до сих пор помню свои впечатления от книги В.Я. Пролпа «Исторические корни волшебной сказки», которую открыла для нас Елена Константиновна; помню наши неумелые сообщения, которые мы все вместе «превращали» в научные доклады.

М.Н. Климова: С первых дней работы в семинаре Е.К. (мы втайне её называли её тогда «шефиня») мягко, но неустанно учила нас не только работе с рукописями (что для филолога-древника тогда считалось необходимым), но и уважению к предшественникам, скрупулёзности анализа и выветренности выводов словом научной добросовестности. Некоторые уроки того времени я запомнил на всю жизнь. Так, после не слишком удачного доклада на одной из студенческих конференций я раз и навсегда усвоила необходимость соблюдения регламента. Конечно, всё это азы научной работы, но сколько молодых и не очень молодых учёных сейчас их не знает... «Шефиня» познакомила участников семинара с сотрудниками сектора археографии и источниковедения Сибири, в котором она тогда работала. По её настоятельной рекомендации мы закрепили навыки работы со славянскими рукописями в крупнейшей древлехранительнице Москвы и Ленинграда.

Разумеется, Елена Константиновна понимала, что мы ещё молоды и неопытны, но при этом относилась к нам совершенно всецело, как к младшим коллегам, не делая скидок на молодость. Многие из нас начали свои вполне самостоятельные научные исследования уже на третьем курсе университета. Наша наставница понимала одну очень важную вещь: в науке, как мало в каком другом роде деятельность, важны личные связи. Это не имеет отношения к кумовству и другим неприятным явлениям — это то, что называется формированием школы и установлением коллегальных контактов. Вот поэтому мы, совсем ещё неоперившиеся исследователи, запасшись в деканате официальными отношениями в книгохранилища Москвы и Ленинграда, получали перед командировкой ещё и пачку рекомендательных писем от Елены Константиновны — учёным, чьи имена мы читали на обложках монографий, обязательных к прочтению в курсе древнерусской литературы. Эти письма открывали двери хранилищ, которые в ином случае остались бы закрытыми для студентов, и обеспечивали нам самое доброжелательное внимание старших коллег. Никогда не переходя на личности, Елена Константиновна осторожно объясняла нам закулисную расстановку сил в нашей области науки, уберегая тем самым от чисто человеческих ошибок. Но при всём её пристальном внимании к ученикам она никогда не превращалась в мать-наседку, которая страхует каждый шаг своего дитя.

О.Д. Журавель: Елена Константиновна никогда не обременяла своих учеников излишней опекой, не навязывала своих взглядов. Откликаясь на инициативу, она доверяла нам, с радостью и энтузиазмом поддерживала мысль, показавшуюся ей интересной, оригинальной. У Елены Константиновны было поразительное чутьё на научные темы, она могла вовремя посоветовать направление, на котором затем выросли наши работы. Первые работы превращались в диссертации, в первые научные публикации, в диссертации. Она обладала умением радоваться нашим успехам, достижениям; с гордостью, вздохом рассказывала об удачах кого-то из своих учеников. Она была очень смелым человеком, и это качество передавалось нам.

С.К. Севастьянова: Как учитель она учила самостоятельно учиться: вот по этой теме, говорила она, почитайте то-то, а по этой

— вот эти источники. И всё. Читайте, анализируйте, размышляйте, входите в материал и работайте. У самой Елены Константиновны была потрясающая память и огромная работоспособность: по любой проблематике она выдавала сразу несколько фамилий исследователей, чьи работы необходимо читать как базовые.

М.Н. Климова: Научным руководителем «шефиня» была довольно строгим и взыскательным (одну из глав диплома я переписывала трижды — позднее она с небольшими изменениями стала научной публикацией). Не давали нам расслабляться и регулярно практикуемые Е.К. и промежуточные отчёты по прочитанной литературе и проделанной работе. Это очень стимулировало нас, и все мы на защите получили «отлично», что «сделало рекламу» семинару Ромодановской.

Встречи с научным руководителем у нас происходили не только в аудиториях университета. Для предметных разговоров о своей работе мы приезжали к ней домой, в её большую, но немного сумрачную квартиру в доме ещё досталинской постройки на Серебренниковской.

М.Н. Климова: Заседания нашего семинара происходили не только в учебном корпусе, но и у «шефини» дома. Мы познакомилась с её мамой Анной Николаевной и дочерью Варей. Своим укладом этот дом напомнил нам о жизни петербургской интеллигенции. Просторную квартиру заполняли бесчисленные книги, не только научные, но и художественные.

О.Д. Журавель: С нашего курса в семинар к Елене Константиновне записались семь человек. Она назначала встречи у себя дома. Первое потрясение: огромное, невероятное количество книг, библиотека, трепетно собиравшаяся родителями, в особенности матерью, Анной Николаевной. Портрет отца Константинова Владимирова (основатель Новосибирской школы анатомов-лимфологов — ОС), его пронизательный, добрый взгляд, благородство, воспринятое из семьи, из русской дворянской культуры. Непринужденно, за разговором, доставая ту или иную книгу, Елена Константиновна умела объяснить основы работы с источниками, рассказать о том, как в советское время, в эпоху торжествующего сталинизма и атеизма, учёные смогли сохранить традиции российской филологической науки. За именами И.П. Еремина, В.П. Адриановой-Перетц, В.М. Жирмунского вставали человеческие судьбы, открывались реальные страницы истории науки.

Да, она рассказывала нам и такие вещи, о которых даже в некроважные 70-е полагалось говорить вполголоса. Например, о том, как был репрессирован Г.А. Гукоский, виднейший специалист по русской литературе XVIII века. Или о том, как в «благословенные» сталинские времена по ночам за людьми «приходили» (о эта безличная форма со зловещим значением!), и как все соседи не спали и с замиранием ждали: за кем на сей раз? О необходимости вставлять в научные работы цитаты из классиков марксизма-ленинизма Елена Константиновна говорила с тонкой улыбкой: «Ну вы же понимаете, что это похоже на камни-обереги, которые язычники расставляли вокруг своих жилищ? Найдите наиболее подходящий для вас, поставьте — и забудьте о нём». При этом она не боялась, что среди её учеников может оказаться доносчик. То была абсолютная презумпция порядочности людей, которые были с ней рядом.

Доброе сердце

Все, кто вспоминают о Елене Константиновне, в один голос отмечают её готовность поддержать, прийти на помощь, причём порою в вопросах сугубо земных.

Л.В. Титова: В 1972 г. Н.Н. Покровский пригласил меня на работу в свою Археологическую группу, а Елена Константиновна активно помогала осуществиться этим его планам. Она приняла меня в своем доме, и месяц, пока шло моё оформление на работу, я прожила в её семье и стала негласным её членом навсегда.

Коллектив археографов тогда был ещё невелик — Николай Николаевич, Елена Константиновна, Татьяна Николаевна Ансит и я, но вся молодёжь сектора была всегда рядом с нами. Это была наша вторая семья, которая со временем естественно прирастала учениками Николая Николаевича и Елены Константиновны. Что мне было особенно дорого в Елене Константиновне, это то, что она